
КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В СЕМАНТИКЕ НОВЕЙШИХ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ*

В.В. Дементьев

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
Саратовский государственный университет
ул. Астраханская, 83, Саратов, Россия, 410012

В статье анализируются некоторые новейшие русские идиомы английского происхождения. Семантика данных идиом рассматривается на материале фактов неофициального (в том числе неофициального политического) дискурса, в аспекте оппозиции персональности-имперсональности, в связи с некоторыми новыми тенденциями в общественной жизни.

Ключевые слова: русская идиоматика, английские заимствования, категория персональности, оппозиция.

Статья посвящена группе идиом (речевых стереотипов), таких как *Голосуй сердцем* (этимологическая калька с английского *vote with your heart*), *Ничего личного* (калька с *Nothing personal (just business)*) и некоторых других, довольно широко распространившихся в новейшее время в русской речи в различных сферах коммуникации: общественно-политической, публицистической, межличностной. В основном данные идиомы заимствованы из английского языка, но в русском языке и речи развивают специфические семантические характеристики, которые, по нашему мнению, отражают некоторые существенные тенденции и процессы в современной русской речевой коммуникации, а также — шире — русской языковой картине мира, а именно: связаны с содержательной (коммуникативно-речевой, стилистической и лексико-семантической) категорией *персональности* (оппозицией *персональности-имперсональности*) и обусловлены ее различными проявлениями в названных сферах. В статье будет раскрыто происхождение, функционирование и семантика данных идиом с учетом оппозиции персональности-имперсональности и особенностей сфер их употребления.

В целом отражение в современном русском языке и речи новейших социальных процессов является одной из наиболее актуальных и сложных проблем современной русистики, которой уже были посвящены, в разных аспектах, без преувеличения, сотни монографий, диссертаций и статей (см., например, статьи и обзоры в журнале «Политическая лингвистика»), однако до окончательного решения еще очень далеко.

Левый член оппозиции персональности-имперсональности, о которой идет речь, оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный.

Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограниченный, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное, регламентированное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка — и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р, [Р] представляет собой норму и нейтральное с точки зрения оценки, а отсутствие Р, [-Р] оценивается отрицательно.

Действие названной оппозиции проявляется в организации русской **лексики**. Ср. лексические пары в современном русском языке: *правда* ~ *истина*; *воля* ~ *свобода*; *совесть* ~ *нравственность*, *этика*; *интеллигент* ~ *интеллектуал*; *жалеть* ~ *сочувствовать*, *соболезновать*; *справедливый* ~ *законный*, *легитимный*, *правовой*; *мастер* ~ *профессионал*; *очень плохо* ~ *крайне неудовлетворительно*; *убийца* ~ *киллер*; *родной* ~ *казенный*; *начальник* ~ *руководитель*; *муж* ~ *супруг*; *любимый* ~ *сожитель*; *везение* ~ *успешность*; *вожак* ~ *лидер*; *любить*, *жалеть* ~ *уважать*; *злиться* ~ *негодовать*; *работа* ~ *деятельность*; *душевный* ~ *бездушный*... — при всем разнообразии и разнородности есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый — заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый — нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца.

Следует подчеркнуть, что среди лексических оппозиций / пар антонимов, охватываемых общей оппозицией [Р] ~ [-Р], есть такие важные для русской культуры, как *правда* ~ *истина*, *душа* ~ *разум*, *воля* ~ *свобода*. В то же время не все эти концепты встают в четко лексически оформленные оппозиции с другими концептами/лексемами — например, для *дружбы* отсутствует адекватное соответствие с значением члена [-Р]: выражение *партнерские отношения* — двусловное, описательное (ср. англ. *partnership*), а лексемы *партнерство*, *корпоративность* — малоупотребительные.

В оппозицию [Р] ~ [-Р] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и речи, в частности, речевые жанры. Важной для русского языка и речи является речевая оппозиция *разговора по душам* и *светской беседы*. Члены данной оппозиции — антонимичные в русской речевой культуре жанры, — представляя разные нормы выражено гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речевых картин мира».

Как уже было сказано, в русской культуре подлежит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [Р] ~ [-Р]: *функционер*, *чинуша*, *службист*, *крюкотвор* и *крючок*, *казенный* и *казеница*, *муштра*, *аппаратчик*, *функционер*, *карьерист* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие — нет).

Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [Р] ~ [-Р]: *душевный* (*задушевный*), *друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [Р] ~ [-Р] в фразеологизме *Не в службу, а в дружбу* (к нему мы еще вернемся). Оппозиция *душевный* ~ *бездушный*, образованная двумя словообразовательными производными от *души*, может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [Р] ~ [-Р].

Выделяемая нами русская культурная оппозиция [Р] ~ [-Р] имеет общее с выделяемой А.Б. Пеньковским категорией *чуждости*, проистекающей из семиотического принципа оппозитивного членения мира на «свой» и «чужой» [1]. (Однако, в отличие от названной работы, мы говорим о русской безэквивалентной, неуниверсальной для большинства культур оценочности.)

По-видимому, во всех культурах, с развитием оппозиции официальности ~ неофициальности и собственно члена официальности в ее составе, уже не официальность, а неофициальность становилась *активна*: она *активно* стремилась противопоставить себя официальной идеологии и языку, используя для этой цели самые разные средства (начиная от средневекового карнавала и заканчивая «антитоталитарными языками», развившимися в странах соцлагеря в XX в.).

В то же время именно в этом коммуникативном аспекте можно говорить о целом ряде серьезных отличительных особенностей, присущих категории неофициальности/личности в России.

В самом общем виде их можно свести к следующим:

- власть — изначально нерусская, «немецкая» («с Рюрика»);
- долгий период крепостного права, «Россия — тюрьма народов». О жестоких и несправедливых отношениях власти и народа можно судить по многочисленным известным случаям, когда честные люди оказывались несовместимы с институтами власти и либо изгонялись, либо уходили сами (ср. реальную биографию А.Н. Радищева, вымышленную биографию Чацкого в «Горе от ума»);

— (отсюда) ставшее очень широко распространенным и даже традиционным недоверие к власти, нелюбовь к ней: от власти не ждут справедливости — тем более *правды, милосердия* и т.д.;

— (отсюда) русский иррациональный, нерасуждающий страх перед «властью вообще» и ее отдельными представителями, особенно пагубный в психологическом плане, калечащий душу человека (данный аспект широко отображен в художественной литературе, особенно сатире, начиная с Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова);

— иногда отмечается, что данное качество сочетается с нежеланием и неспособностью широких народных масс к самоорганизации, к тому, чтобы естественным образом породить власть «снизу» и участвовать в ней (А. Солженицын);

— наконец (возможно, понимая глубокую болезненность, «ненормальность» таких отношений власти и народа), именно в России неоднократно пытались «примирить» члены данной оппозиции — именно так возникли, например, нормы светского общения (*светская беседа*) и — позже — *канцелярит*, «*партийная речь*» (ср. использование родственно-задушевных характеристик по отношению к Сталину в советской прессе 1930-х гг: *родной, любимый, отец* и т.д. (Подробнее об этом см. [2].)

Категория русской персональности также предполагает, что каждое появляющееся в русской речи и языке новое слово и идиома, поговорка и прецедентный текст, речевой стереотип, этикетная формула автоматически оказываются отнесены к одному из членов оппозиции [Р] ~ [-Р] и начинают выражать все идеи, соотносимые с этим членом (что особенно заметно, если слово заимствованное).

Это произошло, например, с обращением *товарищ* (после того как это исконное слово перестало использоваться в функции личностно-нейтрального обращения в советском обществе, возник целый ряд действительных и мнимых проблем, связанных с отсутствием личностно-нейтральных обращений, к жизни были вызваны обращения типа *мужчина, женщина*, всем — и лингвистам, и нелингвистам — кажущиеся уродливыми, мертворожденными, но, несмотря на это, чрезвычайно широко распространенные), заимствованным жанром *светской беседы*, а также с огромным числом новых слов от *тусовки* до *киллера, бойфренда* и *гламура* (см.: [3; 4]).

Это же проявляется в огромном, на протяжении всей «официальной истории» России, числе дискурсов, в которых пытались осуществить примирение противоположных идей, содержащихся в левом и правом членах оппозиции [Р] ~ [-Р].

В современной теории политической коммуникации анализируются различные попытки власти заявить о своей любви и близости к народу — но пафосно-декларативно, в терминологии официальных речей, в результате порождались обкатанные выражения, всеми воспринимаемые как уродливые или смехотворные, типа: *Голосуй сердцем; ...с человеческим лицом; вменяемая власть*. Данные выражения немедленно превращались в штампы, причем присущие не языку народа, а именно языку власти, и воспринимались с недоверием, как и все политические штампы. Сюда же должны быть отнесены любые попытки обсуждать личные, пер-

сональные вопросы в терминологии официальных речей, даже если данные попытки были вполне искренними (ср. примеры К.И. Чуковского или ситуации общения «простых людей», отображенные в рассказах М.М. Зощенко 1920—1930-х гг.).

Как видим, в современной российской общественно-политической коммуникации к наиболее значимым и актуальным тенденциям следует отнести критическое обострение противоречия между интересами человека, личности, «частной жизни» — и всегда в той или иной степени безличными интересами государства. Как всегда, «вечная» оппозиция *«нашего простого человека»* и *«бездушной государственной машины»*, существующая в русском обществе и сознании и драматически влияющая на оба, особенно обостряется в периоды перемен.

Те действия, которые совершает власть (или, скорее, как это выглядит с точки зрения народа), получают оценку по шкале [P] ~ [-P]. Такую же оценку по шкале [P] ~ [-P], хотя и с противоположным знаком, имеют ответные действия (реакция) народа: от простого выражения оценочного отношения в оппозиционных текстах — статьях или блогах — или устных речах до антиправительственных выступлений. Непопулярные меры нелюбимой или критикуемой власти теперь предстают как [-P]; соответственно «критика снизу» приобретает стилистику [P].

В свою очередь, власть, желая сгладить конфликт, продемонстрировать «близость к народу», может сознательно использовать стилистику [P]. Наконец, вербальные оценки, даваемые власти «снизу», т.е. в дискурсе и на языке народа, содержат называющие, объясняющие, разоблачающие, высмеивающие (по принципу карнавала) или пародирующие данные действия власти единицы, которые, таким образом, тоже содержат теперь семантику [-P] — от отдельных лексем до прецедентных текстов и «просто» текстов.

(Речь, конечно, идет не о неправильных, антинародных и т.д. действиях власти как таковых, а лишь об оценке их по шкале [P] ~ [-P], которая уже содержится в русском языке и речи, а стало быть, в потенциальном виде присутствует и в русском политическом дискурсе. Собственно, российским политикам (да и любому, кто просто обсуждает политику на русском языке) крайне трудно, почти невозможно «вырваться» из оппозиции [P] ~ [-P], освободить от ее стилистики свою речь — как и возможную реакцию на действия власти, оценку их).

Ранее [5; 2] нами уже было показано, как представители власти для достижения своих целей используют оппозицию [P] ~ [-P] и ее отдельные члены в официальном политическом дискурсе.

Так, к особенностям современной русской политической коммуникации относятся, с одной стороны, периодическое использование канцеляритоподобных явлений — что, как было показано в [5; 2], является в высокой степени содержательно маркированным, знаковым выбором с точки зрения системы русских коммуникативных ценностей. Эту же тенденцию иллюстрируют некоторые новые речевые стереотипы, складывающиеся в новой русской коммуникации, которые рассматривались исследователями еще 10—15 лет назад. Так, по мнению В.И. Ка-

расика, фраза «*А кому сейчас легко?*» в России 1990-х стала «узнаваемым индексом новых непривычных межличностных отношений» [6. С. 39] и означает отказ выражать сочувствие собеседнику (отрицает семантику [P]).

С другой стороны, не менее важны периодически проявляющиеся прямо противоположные тенденции, которые мы определяем как педалирование содержательных потенциалов левого члена оппозиции [P] ~ [-P].

Как и в первом случае, данный процесс представляет собой универсальное и очень распространенное явление: это широко изученное в исследованиях по публицистическому стилю и дискурсу обращение к «эмоциональным аргументам». Разница состоит только в том, что обращение (в публицистическом стиле) к эмоциональным аргументам по своей природе есть вид *манипуляции*, который всегда требуется скрывать, — в русской же политической коммуникации, в силу действия оппозиции [P] ~ [-P] и положительной оценки ее левого члена, такого рода эмоциональные аргументы с непрямо, но достаточно явно декларируемым недоверием к уму и сознательным рациональным действиям человека провозглашаются открыто и чуть ли не с гордостью, имея в виду самоопределение и национальную самобытность.

Очень ярко данная тенденция проявляется в таких явлениях общественно-политической коммуникации, как призыв *голосовать сердцем* или определение *вменяемая власть* в качестве положительной характеристики.

В русском политическом дискурсе выражение *голосуй сердцем*, являющееся этимологической калькой с английского *vote with your heart*, используется как прямой и вполне серьезный лозунг, тогда как в англо-американском оригинале — как отрицательно-оценочная или ироническая номинация явно бессмысленных или нечестных действий кандидатов и агитаторов на выборах, фактически во всех контекстах есть противопоставление *vote with your head ~ vote with your heart* (в частности: *How to vote with your head and not your heart*) или: *Vote with your heart, bet with your head*.

Показательно, что в западной, прежде всего англо-американской, прессе и социологических исследованиях подобные лозунги, оценки и призывы, в корне противоречащие «западной логике», называются... русскими! например: *Russian Tender: Vote with Your Heart! Contractor selection is a delicate matter for any developer. The clear criteria of sorting out the winners adopted in the West are not always applicable. The participants of the seminar Tender & Development: How Not to Make a Mistake in Contractor Selection organized by Commercial Real Estate North-West tried to understand why the Russian customer oftentimes neglects the obvious advantages of one claimant, listening to his "heart" rather than mind.*

Что же касается истории выражения *вменяемая власть* / *администрация* / *политик*, она просто комична: в сущности, данное выражение должно было обозначать власть «хорошую», «обращенную к народу» (ср. популярные в позднесоветский период определения «...с человеческим лицом») — это была всего лишь очередная в долгой «официальной истории» попытка примирить «народ» и «власть».

Однако данное выражение немедленно превращается в штамп, причем при-
сущий не языку народа, а языку власти, причем ни те, кто использует данный
штамп, ни его адресаты обычно не задумываются о его внутренней форме, несущей
чрезвычайно уничижительное содержание о власти вообще и о данной власти
в частности.

Так можно расценить слово *вменяемый* в сочетании *вменяемый политик*. Та-
кое употребление характерно для либералов круга СПС. Оно возникло во время
становления этих сил из числа «неформалов» в 1989—1991 гг., когда представи-
тели руководства разных уровней, идущие на сотрудничество с этими силами,
признавались «вменяемыми», т.е. психически нормальными, а остальные не при-
знавались [7. С. 26—35].

Естественно, такие призывы власти — как будто бы адресованные народу,
с учетом «точки зрения» народа и на языке народа, но в действительности сразу
превратившиеся в штампы, принадлежащие именно языку власти, а не народа, —
изначально воспринимаются с недоверием, более того — сами автоматически
включаются в поле официальности/имперсональности, то есть правый член оппози-
ции [P] ~ [-P].

Конечно, сема [P] или сема [-P] обусловлены тем, каких именно участников
политического дискурса (а также различные аспекты их деятельности, место в об-
ществе и значение) — провластных или оппозиционных — они называют, оцени-
вают или объясняют, — но обусловлены лишь отчасти. Здесь, с одной стороны,
новая эпоха наполнила новым содержанием (это и новые действующие лица, и но-
вые языковые единицы, в т. ч. неологизмы и окказионализмы) вполне традицион-
ную оппозицию [P] ~ [-P], по сути мало что изменив в ней, с другой — одни
и те же действующие лица, как объекты номинации и дескрипции, могут не толь-
ко получать амбивалентную оценку (это в целом характерно для политического
дискурса), но и довольно свободно переходить из одного члена оппозиции [P] ~
[-P] в другой.

Рассмотрим подробнее еще несколько номинаций/идиом, история которых
в современной российской политической коммуникации представляется особенно
поучительной.

Одним из наиболее заметных и показательных фактов современной русской
коммуникации, который обычно, так или иначе, актуализирует сему власти, при
этом имеет отчетливую семантику [-P], является выражение (призыв) *Ничего лич-
ного*. Данное выражение является синонимичным (в том числе и с точки зрения
семантики [-P]) выражению *Дружба дружбой, а служба службой*, которое, как
мы уже показали, имеет исключительное значение для русской коммуникации,
организованной оппозицией [P] ~ [-P], одновременно представляя собой практиче-
ски идеальную иллюстрацию данной оппозиции; в то же время в некоторых кон-
текстах семантика *Ничего личного* и *Дружба дружбой, а служба службой* суще-
ственно расходятся.

Начнем с *Дружба дружбой, а служба службой*, точнее — пары антонимич-
ных фразеологизмов *Не в службу, а в дружбу* / *Дружба дружбой, а служба
службой*.

Фразеологизм *Не в службу, а в дружбу* в современных словарях толкуется ‘Из дружеских побуждений, а не по обязанности’, ‘Просьба оказать услугу не по обязанности, а по дружбе’, при этом, судя по всему, экспликация *дружбы* является принципиальной: предполагаются именно такие отношения, как в *дружбе*, т.е. с присущим *друзьям* общением.

Как представляется, многое в русской культуре становится яснее, если предположить, что характерная сфера использования призыва *Не в службу, а в дружбу* — общение не столько с равным (с которым могут связывать либо официальные, либо неофициальные отношения), сколько с начальником (в широком смысле: это тот, кто имеет право потребовать *службы*, или чтобы было *как на службе*): только официальные отношения, которые призван сделать неофициальными или менее официальными призыв *Не в службу, а в дружбу*.

Попытки так «задобрить» начальника богато отображены в русской классике, начиная с «Ревизора» Н. Гоголя, «Недоросля» Д. Фонвизина, пьес А. Островского, и, как правило, были не до конца понятны, например, западноевропейскому читателю — современнику Фонвизина и Гоголя, который жил уже в капиталистическом, а не полуфеодальном обществе.

Как представляется (конечно, для уверенного утверждения необходимо специальное исследование), русский концепт *начальник* — в отличие от западноевропейских — включает, в характеристике возможных отношений с ним, дополнительную потенциальную сему: задабривание *начальника* для извлечения определенной выгоды для себя, причем задабривание посредством *общения*. (К сожалению, концепт *начальник* — ни в русском языке, ни тем более в сопоставлении, — как и *шеф* или *босс*, — фактически не исследованы, что не только досадно, но и странно, учитывая очень активное развитие концептологии в целом: нет такой статьи ни в «Антологии концептов», ни в «Новом словаре синонимов» (в последнем упоминается *шеф* — но только как синоним к... *водитель!*), лишь в антологии «Лингвокультурные типажи» есть статья И.И. Дубининой «Коммуникативный типаж начальника» [8], однако коммуникативная пара «начальник ~ подчиненный», поведение подчиненного по отношению к начальнику там не рассматриваются).

Интересны в этом плане (с точки отражения интересующей нас семы задушевности и ее отсутствия, т.е. оппозиции личности ~ безличности) **антонимы** призыва *Не в службу, а в дружбу*, такие как традиционные фразеологизмы *Дружба дружбой, а служба службой* и (в меньшей степени) *Дружба дружбой, а табачок врозь* и современный *Ничего личного*. Данные формулы тоже широко используются в качестве сигнала, что отношения и тональность, а также сам ход общения меняются.

Дружба дружбой, а служба службой определяется фразеологическими словарями следующим образом: ‘Дружеские отношения не должны сказываться на выполнении служебных обязанностей. Говорится часто как предупреждение, иногда упрек, когда кто-л., рассчитывая на дружеские отношения, пренебрегает служебными обязанностями, а также — как оправдание поступкам, не принятым между друзьями, но необходимым для дела’.

Содержание данной оппозиции вызывало интерес и в прошлом — см. поэтическую языковую рефлексию Константина Симонова «Дружба — дружбой, а служба — службой» (1954).

«Дружба — дружбой, а служба — службой» —
Поговорка-то золотая,
Да бывает так, что без нужды
Изо рта она вылетает.

Чуть ругнут тебя на все корки,
Гром — за дело ль, без дела ль — грянет,
Под удобную поговорку,
Как под крышу, спрячутся дряни.

Как под зонтиком в непогоду,
Будут ждать под ней хоть полгода,
С бывшим другом играя в прятки,
Пока вновь не будешь «в порядке».

Упрекнешь их — ответят тут же:
«Дружба — дружбой, а служба — службой».
Срам прикроют листиком шутки
И пойдут, встряхнувшись, как утки.

Снова — ты им за дорогого,
Снова — помнят дорогу к дому,
Долго ль, коротко ль? — До другого
Им послышавшегося грома.

Не в одной лишь дружбе накладны
Эти маленькие иуды;
Что дружить не умеют — ладно,
Да ведь служат-то тоже худо!

Фразеологизм *Дружба дружбой, а табачок врозь* в этом плане несколько менее показателен, хотя и здесь важна экспликация *дружбы* — в плане нарушения некоторых ее важных «норм» (правда, «общение» как таковое здесь менее актуально): «Фраза констатирует неприглядную, по мнению говорящего, ситуацию, когда кто-то из приятелей не желает делиться всем, предпочитает что-то использовать лично или в определенный момент поступает вопреки ожиданиям, не по-дружески, эгоистично».

«Американизированный» призыв *Ничего личного* (калька с *Nothing personal (just business)*) (приписывается известному американскому гангстеру Аль Капоне и фильму Ф.Ф. Копполы «Крестный отец») определяется интернет-словарями: «Фраза используется, когда ты хочешь сказать, что сам против человека ничего не имеешь, однако обстоятельства складываются так, что вы вынуждены действовать против него. Это своеобразное «извинение». Синонимом можно считать фразу «Не принимай близко к сердцу»; «Этим выражением показывают четкое

разделение между личными делами и делами в бизнесе. Личные интересы и отношения не должны вредить интересам дела. Особенно в денежных вопросах. Чаще всего такие ситуации возникают между деловыми партнерами').

Кстати, о том, что *Ничего личного* воспринимается подчеркнуто как «не наше», и прежде всего американское, говорит, например, то, что в российском кинопрокате вышел по-русски под названием «*Ничего личного*» фильм Тони Гилроя, который в оригинале назывался совершенно по-другому: «*Duplicity*» (букв. ‘двуличность’) (2009).

Как видим, призыв *Ничего личного* вообще не предполагает общения.

Важно, что *Ничего личного* говорится чаще всего в ситуациях, когда говорящий намеревается сделать / уже сделал собеседнику что-то плохое — и это «*личное*» упоминается как возможная плохая причина этого (но не причина!), тогда как *Не в службу, а в дружбу* предполагает именно хорошее: отношения как в дружбе, и приятное общение как друзья, и качества, причем моральные: умение дружить...

***

Итак, анализ некоторых новейших русских идиом английского происхождения заставляет предположить, что оппозиция персональности ~ имперсональности сейчас в некоторых аспектах, на некоторых направлениях обостряется, в чем-то приобретает новый, оригинальный характер в своих проявлениях, которые отражают некоторые новые тенденции в общественной жизни, а также новые «умонастроения» и, конечно, новую языковую реальность, включая «языковую моду» и «языковой вкус».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985—1987. М.: Наука, 1989. С. 54—83.
- [2] Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. (Studia philologica).
- [3] Люциньский К. Языковые заимствования и ментальность: о влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингво-культурного коллектива (на материале русского языка в сопоставлении с польским). Екатеринбург, 2010.
- [4] Маринова Е.В. Иноязычные слова в современной русской речи: освоение и функционирование. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012.
- [5] Дементьев В.В. Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи) // Политическая лингвистика. Вып. 4(34). Екатеринбург, 2010. С. 24—40.
- [6] Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- [7] Борисова Е.Г. Особенности антиглобалистского дискурса в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. Вып. 17. Урал. гос. пед. ун-т. / Отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2006. С. 26—34.
- [8] Дубинина И.И. Коммуникативный типаж начальника // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005.

CATEGORY OF PERSONALITY IN SEMANTICS OF LATEST ENGLISH LINGUISTIC BORROWINGS IN THE RUSSIAN IDIOMATICS

V.V. Dementyev

Department of Language, Theory and History and Applied Linguistics
Saratov State University
Astrakhanskaya str., 83, Saratov, Russia, 410012

The article examines some of the latest Russian idioms by English origin. The semantics of these idioms has been seen on the material of the informal (including informal political) discourse, in terms of opposition personality — impersonality, in connection with some of the new trends in public life.

Key words: Russian idiomatrics, English linguistic borrowings, category of personality, opposition.

REFERENCES

- [1] *Penkovskiy A.B.* O senanticheskoy kategorii “chujdsti” v russkom yazike [About semantic category of “extraneity” in Russian language] // *Problems of structural linguistics*, 1985—1987. M.: Nayka, 1989. P. 54—83.
- [2] *Dementyev V.V.* Kommunikativnie tsennosti russkoy kulturi: kategoria personalnosti v leksike i pragmatike [Communicative values of Russian Culture: category of personality in lexis and paragramatics]. M.: Global Kom, 2013. (Studia philologica).
- [3] *Lutsinskiy K.* Yazikovie zaimstvovaniya i mentalnost: o vlianii zaimstvovaniy yazikovikh sredstv na mentalnost lingvo-kulturnogo kollektiva (Na materiale russkogo yazika v sopostavlenii s polskim) [Language borrowings and mentality: influence of language borrowings on the mentality of lingvo-cultural community in Russian and Polish]. Ekaterinbourg, 2010.
- [4] *Marinova E.V.* Inoyazichie slova v sovremennoy russkoy rechi: osvoenie i funktsionirovanie. [Foreign words in Russian Modern Speech: assimilation and functioning]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012.
- [5] *Dementyev V.V.* Russkiy novoyaz v svete teorii kommunikativnykh tsennostey (Na materiale politicheskoy rechi) [Russian new language due to the theory of communicative values in political discourse] // *Political Linguistics*, Vip. 4(34). Ekaterinbourg, 2010. P. 24—40.
- [6] *Karasik V.I.* Yazikovoy krug: lichnost', konsepti, discourse [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002.
- [7] *Borisova E.G.* Osobennosti aniglobalistsogo discoursa v Rosii [Particular features of antiglobal discourse in Russia] // *Izvestia UrGPY. Linguistics*. Vip. 17. Ural. gos. ped. un-t / Otv. red. A.P. Chudinov. Ekaterinbourg, 2006. S. 26—34.
- [8] *Dubinina I.I.* Kommunikativnii tipaj nachalnika [Communicative character type of Boss] // *Asiologicheskaya lingvistika: lingvokulturnie tipaji*: Sb. nauch. tr. / Pod red. V.I. Karasika. Volgograd: Paradigma, 2005.